



КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ



ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

НОВЫЙ УЧЕБНИК АНТРОПОЛОГИИ

(О книге Я. Я. Рогинского и М. Г. Левина «Основы антропологии». М., 1955)

Студенты, аспиранты и научные работники, специализирующиеся в области антропологии, а также все интересующиеся этой наукой получили к 200-летию юбилею Московского государственного университета хороший подарок — новый учебник антропологии, написанный Я. Я. Рогинским и М. Г. Левиным. В соответствии с традиционным подразделением антропологической науки авторы этой книги строят и свое изложение: после краткого введения и очерка развития антропологической науки следуют три больших раздела, посвященных морфологии человека, вопросам антропогенеза и наконец этнической антропологии, которую авторы отождествляют с расоведением. Общий объем рецензируемой книги свыше 43 печатных листов (502 стр.). Она напечатана хорошим четким шрифтом и внешне красиво оформлена.

Во введении даны сведения об истории самого термина «антропология», об основных подразделениях антропологической науки, ее методологических основах и методике. Изложение здесь, как, впрочем, и во всей книге, лаконичное, вполне ясное и в достаточной степени популярное. Уже в предисловии авторы указывают, что их книга рассчитана прежде всего — в качестве учебника — на студентов-антропологов, а также на студентов смежных специальностей, в том числе этнографов и археологов. Главная цель нового учебника антропологии, по словам его составителей, состоит в том, чтобы дать достаточно обильный фактический учебный материал, освещенный с позиций диалектического и исторического материализма (стр. 3). Эти ведущие положения проходят красной нитью через всю книгу, которая, являясь учебником, в то же время должна рассматриваться как самостоятельный научно-исследовательский труд, основанный на новейших достижениях советской и зарубежной антропологии. Авторы не ограничиваются систематизацией уже накопленного и опубликованного материала, но включают в свой учебник ряд оригинальных положений, разработанных ими самими и еще нигде не опубликованных.

По введению к рецензируемой книге можно сделать только очень небольшое количество замечаний, имеющих, по преимуществу редакционный характер. Так, например, на стр. 6 авторы указывают, что «антропология изучает вариации физического типа человека во времени и в пространстве». Определение это представляется нам несколько узким: несомненно, что антропология действительно изучает все вариации физического типа человека во времени и в пространстве. Этим, однако, не ограничиваются ее задачи, поскольку к предмету антропологии относится также изучение таких телесных вариаций человека, которые не могут рассматриваться ни в качестве территориальных, ни в качестве эпохальных (например, половые, возрастные, профессиональные и социальные вариации, как правило, не приурочены ни к определенной эпохе, ни к одной какой-либо географической территории). Известные сомнения может вызвать также полное отождествление Я. Я. Рогинским и М. Г. Левиным расоведения с этнической антропологией (см., например, стр. 3, 6, 321, 322 и многие другие). Несомненно, что расоведение и этническая антропология очень близки между собой, охватывая в основном один и тот же круг проблем. Однако, как справедливо указывают сами авторы, расоведение изучает классификацию расовых типов, распространение их по территории, историю формирования рас, причины расообразования и закономерности изменений расовых типов (стр. 8); этническая же антропология в узком смысле слова, базируясь на указанных данных расоведения, имеет непосредственным предметом своего исследования историю антропологического состава народов мира. С этим, очевидно, согласны и авторы, ибо в начале раздела, посвященного

расоведению, они пишут: «Этническая антропология изучает антропологический состав народов земного шара в настоящем и прошлом» (стр. 323). Очевидно, что общие закономерности образования рас и история антропологического состава конкретных народов — это не одно и то же.

Очень благоприятное впечатление производит раздел книги Я. Я. Рогинского и М. Г. Левина, посвященный основным этапам развития антропологических знаний (стр. 11—32). В этом разделе две главы: «Общий очерк истории антропологии» и «Очерк истории антропологии в России». Большой заслугой авторов является то, что они отвели истории отечественной антропологии значительное место в своем учебнике, остановившись на деятельности таких корифеев русской науки, как А. Н. Радищев, К. М. Бэр, Н. Г. Чернышевский, Н. Н. Миклухо-Маклай, А. П. Богданов и Д. Н. Анучин, а также уделив должное внимание развитию антропологии в Советскую эпоху. Возникает, впрочем, вопрос, следовало ли в сравнительно кратком курсе общей антропологии выделять главу, посвященную истории русской и советской антропологии? Может быть, было бы лучше объединить данные о развитии антропологической науки в России и за рубежом в одной главе, ярче выявив этим значение работ русских ученых для развития мировой антропологической науки. В этом интересном и удачном разделе есть несколько небольших неточностей, которые следует исправить в дальнейших изданиях книги. Так, например, на стр. 11 можно прочесть, что «период VII—III веков до нашей эры в странах Восточного Средиземноморья характеризовался распадом родового строя и развитием рабовладельческого общества». Это положение, по существу, справедливо только по отношению к материковой Греции, так как в других странах Восточного Средиземноморья (Крит, Малая Азия, Египет, Сирия, Палестина и др.) родовый строй распался значительно ранее и рабовладельческое общество уже полностью сложилось в III—II тысячелетиях до нашей эры.

При характеристике начатков антропологических знаний в древнем мире, кроме греческих и римских ученых, может быть, следовало бы упомянуть ученых древнего Китая, в особенности «отца китайской истории» — знаменитого Сыма-Цяня, в сочинениях которого, как и в трудах Геродота, содержится немало сведений географического, этнографического, а частично и прямо антропологического характера. Текст, посвященный накоплению анатомических и антропологических знаний в эпоху Возрождения, полезно было бы дополнить краткими данными о деятельности Мигеля Сервета — одного из предшественников Везалия, открывшего кровообращение у человека. Известно, что Сервет был также страстным борцом против католической схоластики и догматизма. Упоминание его деятельности помогло бы ярче оттенить значение накопления анатомических и антропологических данных в борьбе с католической реакцией в период позднего феодализма.

Некоторые дополнения можно было бы внести также в главу вторую разбираемого раздела «Очерк истории антропологии в России». Естественно возникает, например, вопрос, почему авторы, подробно остановившись на деятельности К. М. Бэра, совершенно не упомянули о работах его преемника в Русском географическом обществе — Н. И. Надеждина, автора второй — после татищевской — анкеты для сбора этнографических сведений в России. В этой анкете антропологическим вопросам было уделено, как известно, значительное место. При перечне учеников и последователей Д. Н. Анучина (стр. 28) следовало бы упомянуть А. А. Ивановского, сделавшего очень много для описания антропологического типа различных народов России и соседних стран.

Первым из основных разделов книги Я. Я. Рогинского и М. Г. Левина является «Краткий очерк морфологии человека» (стр. 33—120). В самом начале этого очерка авторы предупреждают читателей, что в их книге раздел «Морфология человека» дан в сжатом изложении и имеет целью лишь подготовить читателей к усвоению материалов последующих разделов (стр. 35). Такой подход к изложению данных морфологического характера надо признать для общего курса антропологии совершенно правильным. Перегрузка прежних зарубежных и русских руководств по антропологии чисто морфологическими деталями значительно увеличивала их объем и делала трудным, а иногда и совершенно недоступным пользование этими руководствами для студентов и даже научных работников, не имеющих специального биологического образования, в частности для историков, археологов, этнографов, языковедов и географов, которым элементарные антропологические знания совершенно необходимы. Авторы рецензируемой книги сумели избежать этого существенного недостатка работ их предшественников, в то же время несколько не снижая высокого научного уровня подачи фактического материала.

Очерк морфологии человека в новом учебнике антропологии, хотя и является кратким, но в то же время содержит все данные по морфологии человека, необходимые для понимания вопросов происхождения человека и расоведения, занимающих в книге Я. Я. Рогинского и М. Г. Левина главное место. В данном разделе книги читатель найдет сведения о покровах человеческого тела, его общих размерах, о скелете туловища и конечностей, о черепе, зубах, мягких частях лица и, наконец, о массе мозга (см. главы 3—9). Как и в других разделах книги, авторы учитывают здесь все новейшие достижения советской и зарубежной антропологии. Так, например, большое внимание уделено шкалам регрессии, которые при изучении общих размеров и пропорций человеческого тела успешно используются советскими и зарубежными антропологами вместо очень несовершенного, устаревшего метода вычисления различных индексов

(см. стр. 58, 61 и др.). В параграфе, посвященном размерам лицевого скелета, авторы уделили должное место способам определения горизонтальной профилировки лица, разработанным советскими исследователями в самое последнее время. Во всех предыдущих учебниках антропологии этот раздел совершенно отсутствовал; известно, между тем, что точное определение горизонтальной профилировки имеет огромное значение для разграничения основных рас человека. Большой заслугой авторов является, наконец, и то, что они при описании всех морфологических особенностей останавливаются на их изменчивости во времени.

Критические замечания по этому разделу также незначительны. В некоторых случаях они являются чисто редакционными. Так, например, характеризуя географическую дифференциацию цвета волос, авторы указывают, что наиболее светлые волосы типичны для населения Скандинавии, где в некоторых группах норвежцев процент их достигает 75 (стр. 47). Однако не указано, какие именно волосы при определении их цвета при помощи шкалы Фишера следует считать светлыми. Хотя бы в примечании надо было обязательно сказать, что большинство советских антропологов к светлым относят волосы белокурых, светлорусых и русых оттенков, соответствующих №№ 9—26 по шкале Фишера. Правильно, что светлые волосы наиболее характерны для населения Скандинавии. Все же было бы лучше подчеркнуть, что зона наибольшей депигментации волос (как и глаз) охватывает не только Скандинавию, но и всю северную Европу между Уралом на востоке, Ирландией и Исландией на западе, примыкая к берегам Белого, Балтийского и Северного морей.

В некоторых местах Я. Я. Рогинский и М. Г. Левин несколько отступают от принципа краткого изложения морфологических данных, останавливаясь на деталях, которые можно было и опустить. Так, в общем курсе антропологии вряд ли целесообразно приводить интересную, но очень специальную классификацию пропорций тела, разработанную В. В. Бунаком (стр. 61). Вряд ли даже начинающим студентам-антропологам, не говоря уже об археологах и этнографах, необходимо запоминать такие сугубо специальные и сложные наименования выделенных Бунаком типов, как арростонидный, гипогармоноидный, паратейноидный и др. Очень хорошо, как мы уже указывали, поступили авторы, уделившие большое внимание эпохальным изменениям различных морфологических признаков, в том числе формы черепа (стр. 89—90). Было бы интересно дополнить соответствующий параграф имеющимися в антропологической литературе сведениями о приостановке процесса брахицефализации населения Европы в последние десятилетия. При характеристике географических вариаций эпикантуса авторы напрасно исключили упоминание о коренном населении Америки (стр. 112). Отсутствие или слабое развитие у взрослых индейцев этого важнейшего расодиагностического признака несомненно представляет большой интерес. Полезно было бы также упомянуть о спорадическом появлении эпикантуса у европейских, в частности польских и немецких, детей. Досадно, что в очерке морфологии человека (пусть даже очень кратком) не нашлось места для освещения проблем грацилизации и матуризации, имеющих очень важное значение для понимания процессов антропогенеза и расообразования у человека.

Большое внимание авторы «Основ антропологии», естественно, уделяют одной из центральных проблем антропологической науки — проблеме происхождения человека (стр. 121—320). Надо полностью согласиться с тем положением, которым начинается соответствующий раздел: «Вопрос о происхождении человека принадлежит к числу основных проблем антропологии и теснейшим образом связан с коренными вопросами философского мировоззрения» (стр. 123). В разделе «Происхождение человека» 8 глав: «Отряд приматов и его подразделения», «Семейство человекообразных обезьян», «Семейство гоминид», «Палеонтология приматов и их происхождение», «Исследуемые гоминиды», «Теория происхождения человека», «Основные стадии эволюции человека», «Качественные особенности процесса эволюции человека». Уже простой перечень названий этих глав показывает, насколько широк и научно интересный круг вопросов, затронутых в разбираемом разделе. Здесь нашли свое отражение многие оригинальные взгляды авторов учебника и других советских и зарубежных антропологов, относящиеся к проблемам приматоведения, палеоантропологии и общей теории антропогенеза. Построение всего раздела и последовательность изложения хорошо продуманы. Язык изложения, как и везде в этой книге, простой и ясный.

В целях улучшения текста при последующих изданиях хотелось бы, однако, и по данному разделу высказать некоторые соображения. Авторы поступили правильно, остановившись коротко на общей геологической характеристике четвертичного периода и включив в текст данные о хозяйственно-культурной дифференциации первобытного человечества в период позднего палеолита (стр. 209—215). На стр. 214 помещена карта главных областей верхнепалеолитических культур, составленная по данным советского археолога С. Н. Замятина. Карта эта, опубликованная впервые в 1951 г., очень интересна по содержанию, но в настоящее время несколько устарела. На ней, в частности, не указаны области распространения своеобразных позднелепелитических культур Южной Африки и Юго-Восточной Азии. Не нанесены также соответствующие культуры на территории советской Средней Азии, Ирана и Индии. Учитывая новейшие археологические исследования, многие советские археологи в настоящее время выделяют уже не 3 (как это сделал С. Н. Замятин), а по крайней мере 5 основных географических областей характерных позднелепелитических культур: европейскую

приледниковую, средиземноморскую, сибирско-монгольскую, индокитайскую и южноафриканскую (см., например, карту, опубликованную на стр. 44—45 первого тома недавно вышедшей «Всемирной истории»). Авторам «Основ антропологии» надо будет при подготовке второго издания своей книги учесть эти новые данные.

Очень содержателен параграф, посвященный систематике и номенклатуре ископаемых гоминид (стр. 265—267). Здесь дана сжатая сводка новейших взглядов зарубежных и особенно советских антропологов на систематическое положение различных видов ископаемых и современных людей. Жаль, однако, что авторы не высказали своего отношения к приводимым классификациям, в частности, только изложили очень интересные взгляды Г. Ф. Дебеца на этот вопрос, не дав им никакой оценки. Перечисляя в параграфе «Вопросы антропогенеза в современной антропологии» наиболее близких к гоминидам миоценовых и плиоценовых ископаемых человекообразных обезьян, авторы включили в их список только дриопитека и рамапитека, почему-то не упомянув найденного в Закавказье удабнопитека, зубы которого поразительно сходны с человеческими (стр. 281—282). Излагая одну из важнейших проблем антропогенеза — проблему прародины человека (стр. 290—292), Я. Я. Рогинский и М. Г. Левин уделяют значительное внимание взглядам Г. Ф. Дебеца, который считает, что вероятной зоной превращения обезьяны в человека является открытая гористая область Центральной и Передней Азии, включая и Закавказье, где были найдены остатки удабнопитека. Взгляды эти действительно заслуживают самого пристального внимания. Надо бы только упомянуть, что у Дебеца в данном отношении были предшественники, среди которых на первом месте необходимо назвать выдающегося советского геолога и палеонтолога академика П. П. Сушкина.

Специальный параграф в разделе «Происхождение человека» посвящен, естественно, роли труда в процессе превращения обезьяны в человека. Излагая взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса на эту важнейшую естествоведческую и историческую проблему, авторы рецензируемой книги, к сожалению, слишком мало говорят о роли общества в процессе антропогенеза, (стр. 296). Хотелось бы видеть на страницах советского учебника антропологии хотя бы краткие сведения о той творческой дискуссии, которая в настоящее время развернулась среди советских философов, археологов, этнографов, антропологов и языковедов вокруг вопроса о первоначальных ступенях развития общества, в частности, вокруг вопроса о соотношении таких общественных категорий, как «первобытное стадо» и первобытная родовая община.

Для историков, в особенности для этнографов, наибольший интерес в книге Я. Я. Рогинского и М. Г. Левина представляет, несомненно, раздел «Этническая антропология (расоведение)», (стр. 321—492). Раздел этот наиболее велик по объему во всем рецензируемом учебнике. В нем 10 глав: «Понятие о расе и видовом единстве человечества», «Методы исследования в этнической антропологии», «Возрастные изменения расовых признаков», «Классификация человеческих рас», «Антропологический состав народов мира», «Монофилетическое происхождение человечества», «Палеоантропология и теории полицентризма и моноцентризма», «Современное распространение человеческих рас и единство человечества», «Основные факторы расообразования» и, наконец, «Расизм и его социальные корни». Оба автора рецензируемой книги являются крупными советскими специалистами в области этнической антропологии. Вполне понятно поэтому, что они в соответствии с их основными научными интересами уделяют именно этому разделу антропологии наибольшее место в своей книге, впервые высказывая здесь многие положения по общим и частным проблемам расоведения, разработанные только в самое последнее время. Весь раздел должен быть признан одной из наиболее ценных в научном отношении частей книги. Особенно интересны соображения авторов, связанные с разработкой основных принципов классификации человеческих рас, их конкретной историей в различных частях света, со сложной проблемой географической, возрастной и эпохальной изменчивости расовых признаков, а также роли приспособления к окружающим естественно-географическим условиям, полового отбора, изоляции и расового смешения (метисации) в процессе расогенеза.

В главе 18, с которой начинается раздел «Этническая антропология», авторы останавливаются на таких вопросах, как общее понятие о расе, моногенизм и полигенизм, видовое единство человечества, нация и раса и, наконец, отличие рас человека от подвидовых (расовых) делений у животных. Все эти вопросы действительно относятся к числу важнейших проблем расоведения. Странно, однако, что среди них авторы не нашли нужным поместить вопрос о таксономической неравноценности расовых признаков и единиц расовой систематики. Данный вопрос имеет, как нам кажется, огромное, во многих случаях решающее значение для разработки ряда важнейших проблем расовой систематики и истории антропологического состава народов мира. На нем следовало бы остановиться в самом начале раздела, именно там, где речь идет о самых кардинальных проблемах этнической антропологии. В параграфе «Нация и раса» авторы кратко излагают одно из основных положений советской антропологической науки — положение о расовой смешанности всех современных наций и об отсутствии обязательной причинной связи между расой — биологической группой людей — и их языком — общественным явлением. Однако Я. Я. Рогинский и М. Г. Левин в этом параграфе напрасно не остановились на вопросе о соотношении расовых подразделений человечества с его этническим подразделением, в частности, на вопросе об антропологическом составе тех этнических общностей, которые исторически предшествовали нациям, т. е. народностям и племен. Надо было обязательно сказать, что

народности феодального и рабовладельческого периодов в огромном большинстве случаев так же, как и современные нации, были антропологически неоднородными. Сплошь и рядом смешанными в расовом отношении оказываются также племена периода первобытно-общинного строя, в особенности же крупные племенные группы того времени. Вместе с тем между антропологическими и этническими группами человечества, складывавшимися в различные периоды истории человеческого общества, существуют определенные соотношения, изучение которых имеет огромное значение для разрешения многих конкретных вопросов этногенеза и этнической истории. Жаль также, что среди примеров современных наций, весьма смешанных в антропологическом отношении, не упомянут ни один народ, в состав которого входят антропологические типы, принадлежащие к различным большим расам,— например, монголоидам и европеоидам или европеоидам и негроидам. Почему бы не включить в текст данные не только о немцах и поляках, но также о татарах Поволжья, узбеках, индийцах, египтянах и других современных нациях, явно образовавшихся среди населения, с глубокой древности крайне неоднородного в расовом отношении.

Очень интересно написана глава 21 рецензируемой книги — «Классификация человеческих рас», имеющая специальный интерес для всех ученых, работающих над проблемами этногенеза и этнической истории. Рассматривая вопрос об основных принципах расовой классификации, Я. Я. Рогинский и М. Г. Левин полемизируют с автором настоящей рецензии, оспаривая его положение о существовании значительных различий во времени и механизме образования местных антропологических типов и их групп, с одной стороны, и основных рас человечества,— с другой (стр. 356). Они указывают, что различия между «малыми расами» и «группами антропологических типов», выделенными в предложенной мною классификации рас мира¹, иногда оказываются вовсе не столь значительными. Конкретные критические замечания, сделанные Я. Я. Рогинским и М. Г. Левиным по вопросу о систематическом положении пигмейской (центральноафриканской) и бушменской (южноафриканской) групп антропологических типов, в известной мере справедливы, однако замечания эти не затрагивают существа вопроса о различиях между территориальными антропологическими типами и их группами, с одной стороны, и собственно расами — с другой.

Трудно согласиться с тем применением термина «раса», которое мы находим в рецензируемой книге. Рассматривая таблицы больших рас и их подразделений, помещенные на стр. 357, легко убедиться, что авторы одинаково называют расами как очень древние группы антропологических типов, сложившиеся еще в период первоначального расселения человечества по поверхности земли, так и группы, возникшие значительно позднее в результате смешения образовавшихся ранее больших и малых рас. Эти поздние группы типов метисного происхождения называть расами явно нецелесообразно, так как такое словоупотребление, во-первых, находится в резком противоречии с первоначальным значением самого слова «раса» (корень, начало, голова, племя), во-вторых же, не соответствует современному представлению о расе как о группе людей, объединенной прежде всего единством происхождения. Разве можно одинаково называть расами, с одной стороны, такие древние группы типов, как австралийская, веддоидная (цейлоно-зондская), бушменская, североазиатская и т. п., с другой же стороны, сложившиеся много позднее метисные по происхождению группы вроде южноиндийской (дравидийской), уральской, южносибирской (туранской), полинезийской? Думаю, что предложенная мною номенклатура при некоторых коррективах более стройна и последовательна, чем терминология, принятая авторами рецензируемой книги в их классификации.

Следует отметить также, что классификация эта, как, впрочем, отмечают и сами авторы (см. примеч. на стр. 357), по существу очень мало отличается от классификации многих советских исследователей, в особенности А. И. Ярхо, Г. Ф. Дебеца и Н. Н. Чебоксарова. Сравнивая, например, классификацию Я. Я. Рогинского и М. Г. Левина с предложенной мною, нетрудно убедиться, что из выделенных в первой 22 «рас» 18 полностью соответствуют по названию и морфологической характеристике группам антропологических типов моей классификации. Легко установить соответствие между обеими классификациями также и для остальных четырех «рас», выделенных Я. Я. Рогинским и М. Г. Левиным: среднеевропейской, индо-средиземноморской, балканско-кавказской и американской.

Непонятно только, почему в рецензируемой книге трехступенная номенклатура расовых классификаций, принятая большинством советских и зарубежных антропологов, заменена двухступенной. При делении всего человечества только на большие расы и расы без дальнейших градаций, из поля зрения неизбежно ускользают многие конкретные антропологические типы и даже их группы, изучение которых важно для понимания истории антропологического состава народов мира. Так, например, «индо-средиземноморская» раса Рогинского и Левина, соответствующая малой расе с аналогичным названием в предложенной мною классификации, фактически представляет собой сборную группу, состоящую из различных типов, морфологически значительно отличающихся друг от друга и территориально даже не соприкасающихся.

После параграфа «Большие расы и их подразделения» в главе 22, посвященной

¹ Н. Н. Чебоксаров, Основные принципы антропологической классификации. Труды Ин-та этнографии, Новая серия, т. XVI, М., 1951, стр. 291—324.

антропологическому составу народов мира, помещены конкретные данные о расовой принадлежности народов различных частей света или крупнейших стран: Индонезии, Индокитая, Восточной, Северной, Средней и Передней Азии, Индии, Кавказа, Европейской части СССР, зарубежной Европы, Африки, Австралии и Океании, Америки. По всем этим параграфам, содержащим интересные и важные данные об антропологическом составе различных народов, можно сделать только несколько замечаний. Так, например, в параграфе «Индонезия» авторы ошибочно характеризуют всех аэта как охотников и собирателей; в действительности большинство групп этого народа в настоящее время уже перешло к земледелию (стр. 369—371). В том же параграфе среди представителей веддоидной расы в Индонезии почему-то не упомянуты кубу из Суматры, сравнительно хорошо описанные в антропологической литературе. В параграфе «Восточная Азия» среди народов Китая, говорящих на тибетско-бирманских языках, указаны носу или ицзу, в литературе известные также под названием «лоло» (стр. 374). Следовало бы указать, что самоназвание этого крупного народа — «И»; слово же «ицзу» — китайского происхождения и означает просто — «народ». Что касается до наименования «лоло», то оно имеет презрительный оттенок и в настоящее время совершенно не употребляется. На той же странице можно прочесть, что Тибет представляет собою национальную автономную провинцию Китая. Это также не совсем точно: в настоящее время только создан комитет организации тибетского национального автономного района (а не провинции). Общая численность тибетцев по переписи 1952—1953 гг. 2775 тыс. человек, т. е. вдвое больше, чем указано авторами.

Некоторые неточности допущены также при характеристике этнического состава населения Европейской части СССР (стр. 399—400). В настоящее время ливов, сохранивших свой язык, не 1000 человек, как указано в рецензируемом учебнике, а не более 500. Живут они не в Вентспилском районе Латвийской ССР, а в Дундагском. Правильно отмечая, что в Прибалтике и на северо-западе РСФСР среди русских, белорусов, литовцев и латышей широко распространены различные варианты беломорско-балтийской группы типов, авторы напрасно подчеркивают наличие черт скандинавского варианта атлантико-балтийской расы у латышей и эстонцев (стр. 400—401). Новейшие материалы, собранные Прибалтийской экспедицией Института этнографии АН СССР, показали, что преобладающим расовым компонентом западных латышей и эстонцев является западнобалтийский, а отнюдь не скандинавский. Характеризуя антропологический состав населения зарубежной Европы (стр. 408—416), авторы выделяют особую среднеевропейскую расу, распространенную якобы от берегов Атлантического океана на западе до верховьев Камы и Вятки на востоке (см. рис. 218 на стр. 409). Оказывается, таким образом, что южные ирландцы, уэльсцы и бретонцы, с одной стороны, и коми-пермяки с удмуртами, с другой стороны, относятся к одной и той же расе. С этим вряд ли можно согласиться и с чисто географической, и с морфологической и, наконец, с историко-генетической точки зрения.

Следующие 4 главы книги Рогинского и Левина (23—26) посвящены теоретическим проблемам расообразования и конкретной истории формирования и распространения человеческих рас в различных частях земного шара. Главы эти должны быть отнесены к наиболее удачным во всем рецензируемом учебнике. Новейшие достижения советской и зарубежной антропологии в области сбора конкретных материалов и разработки крупных теоретических проблем нашли здесь свое яркое отражение. Взгляды, изложенные Я. Я. Рогинским и М. Г. Левиным, полностью разделяются большинством советских антропологов, в том числе и автором настоящей рецензии. Можно только пожалеть, что некоторые важные вопросы разобраны в данных главах недостаточно подробно. Например, в главе 26 — «Основные факторы расообразования» уделено много внимания изменчивости расовых признаков, роли изоляции и смешения в процессе расогенеза, но вопрос об адаптивности расовых признаков и о роли естественно-географической среды в расообразовании освещен слишком скупо (стр. 468—471). Авторы явно избегают вывить свое собственное отношение к этому важнейшему вопросу. Никаких существенных возражений не вызывает и последняя глава книги — «Расизм и его социальные корни». Большой заслугой авторов является то, что они в этой главе, избегнув крикливых шаблонных выражений, в то же время убедительно показали, с конкретными данными в руках, полную научную несостоятельность всех разновидностей расизма и вскрыли их реакционную сущность.

В заключение нашей рецензии отметим, что учебник Я. Я. Рогинского и М. Г. Левина богат иллюстрирован. В нем помещено 7 таблиц на отдельных вкладных листах и 238 рисунков в тексте. Среди этих рисунков много хорошо выполненных фотографий современных людей различных антропологических типов и палеоантропологических находок, оригинальных карт и схем, в большинстве случаев составленных самими авторами, а также различных чертежей и таблиц, что значительно облегчает усвоение текста. Закончить мы можем тем же, с чего начали. Все антропологи в Советском Союзе и за рубежом получили с выходом в свет рецензируемой книги хороший подарок. Сделанные нами критические замечания, повторим еще раз, частично являются полемическими и могут быть предметом плодотворной творческой дискуссии, частично же носят редакционный характер и являются легко исправимыми в следующем издании книги, необходимость в котором, надо думать, возникнет очень скоро.